

*История языка в обратной перспективе:
письмо как «ручной язык»*

Идея о том, что развитие языка — это лишь надстроечный процесс дифференциации сигнификативной системы (так как в глубине культуры, начиная еще с доисторических времен, архив значений уже существует), выдвигает на первый план «нового учения» историко-генетические вопросы. Главная проблема письма состоит в его происхождении, точнее говоря, в вопросе о статусе письма в развитии языка. Как и в методологии «нового учения», мы и здесь встречаем своеобразную фантастическую инверсию и переоценку научного *common sense*.

Исходной точкой историко-генетического подхода у Марра является не устный язык, а некая доисторическая эра, когда языковое знание человечества еще располагалось на немногих «лингвистических элементах»: первая «система» языка состояла не из «звуков простых или сложных», а из «целых слов, именно так назы-

ваемых лингвистических элементов, возникших в трудомагическом процессе. Эти лингвистические элементы, использованные как бы символы с функцией сигнализации предметов... первично же функциональные хоровые звучания единого коллективного труда, числом четыре»²⁴. Это основа всего дальнейшего развития: во-первых, возникает язык жестов, из которого потом развивается звуковой язык; письмо — это лишь позднейший субститут языка. От греческих философов до немецких романтиков эта иерархия (язык жестов — звуковой язык — письмо) является языкоисторическим клише. Особенность марровской теории и его генетических суждений о письме состоит в специфической интерпретации отдельных стадий языкового развития и переходов между ними. И здесь интерес Марра сосредоточен на языке жестов, на т. н. «ручном языке», и переходе этого «ручного языка» к звуковому языку с дальнейшей трансформацией его в письменный язык.

Языковедческий трюк марровской интерпретации языка жестов состоит в рассмотрении его на фоне письменного, точнее говоря, рукописменного языка. На это указывает и терминология Марра, и его концептуальные представления (когда он говорит о языке жестов как о «линейном языке», который, пользуясь орудием — рукой, «стабилизирует» языковое высказывание: «В основе же *стабилизовавшийся* кинетический, или *линейный*, язык есть ручной язык, так наз. язык жестов, и основное его *орудие* — *рука*.»²⁵). Эта связь языка жестов, т. е. «ручного», «линейного» языка с (руко-) письменностью на уровне дозвукового языка очевидна, когда Марр определяет «ручную речь»: она «может быть осуществлена не только нематериально летучим... движением “руки”, “пальцев”, но и материально при инструментальной их смене, стиле, резце, кисти, пере, фиксирующими линии красками, что, будь это письмо или живопись, находится также в генетической увязке с речью, заменяя ее идеологическую функцию, или разбивая ее единство»²⁶. Язык жестов является в конечном счете доисторической, субстратной формой рукописменного языка, генетически предшествующей звуковому языку. Показательно и то, что у Марра язык жестов, т. е. ручной язык не определяется как синэстетический, но с точки (аналитического) разъединения «единства» речи, — так что и эта характеристика аналитичности письма является атрибутом «ручного» языка²⁷.

В конце концов «звуковой символ» сменяет «руку» на орудие «языка»: «И это дало все преимущества звуковому символу, как орудию языка, для его творческого триумфа перед графическим символом речи, обреченной на продолжение или эволюционное развитие линейных образов ручного языка, ибо, не раз приходилось повторять, *разрушить труднее, чем создать*, и в творчестве побеждает тот, кто радикальнее и действительно разрушает старые нормы... для обеспечения функций новых факторов. Новые факторы — это новые способы производства и новые формы социальной структуры и с ними новое мировоззрение широкого охвата и новая техника мышления»²⁸.

Таким образом, письму принадлежит лишь вспомогательная функция: «Утратив возможность развиваться как речь, как смена ручного языка, графика стала на службу восторжествовавшему звуковому языку, стабилизацией звуковых символов, а с этого момента графика лишь, как письмо, прошла все этапы коренных перестроек звуковой речи и, объединившись с нею, теперь не только разделяет уже в печатном виде ее триумф, но содействует усилению массовости этого триумфа печатью, книгой, публицистикой и журнально-газетным производством»²⁹.

Если в рамках лого- и фоноцентрических концепций Платона или Соссюра сущность языка осмысляется, с одной стороны, в форме устной речи, а с другой, система языка рефлектируется и *описывается* с точки зрения письма, то у Марра, наоборот, письмо осмыляется с точки зрения устности, а все прагматические моменты письма отбрасываются. Марровский дискурс о письме как бы очищает язык от вредных элементов письма.